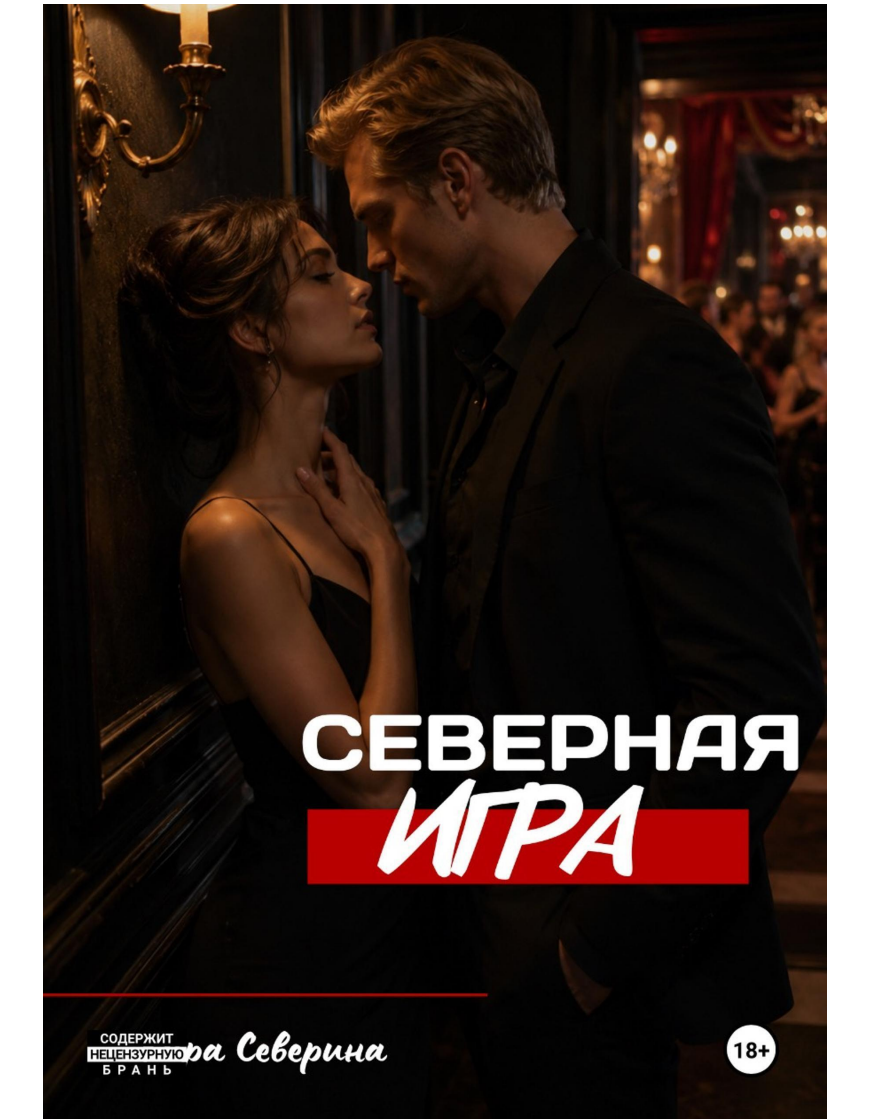

СЕВЕРНАЯ ИГРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ра Северина

18+

Кира Северина

Северная игра

<https://litres.ru/74237877>

SelfPub; 2026

Аннотация

Среда. Десять утра. В моём кабинете тихо.

Звонит рабочий телефон.

— Корецкая.

— Ева Геннадьевна? Секретариат холдинга «Северный». В пятницу тендер. На месте будут учредители.

В моей жизни возникает пауза.

В этой паузе помещается ровно год. Один корпоратив, на котором я назвала одного блондина «крашеным павлином». Одна закрытая вечеринка, на которой я напилась и проснулась в чужой кровати. И одна фотография в его телефоне, на которой я сплю с открытым ртом.

— Слушаю, — говорю я.

Голосом, в котором ничего нет.

В пятницу переговорная в Сити. С тремя учредителями. Один из них — Кирилл Беляев.

Шесть месяцев тишины кончились.

Северная игра началась.

От автора:

Вторая книга серии «Северные», читается отдельно. Пропустили первую («Северный код») — Ева всё расскажет сама. Читали — узнаете старых знакомых. Барсик передаёт привет.

Другая героиня, другая температура. Полина дерзила снаружи и таяла внутри. Ева — стальная и снаружи, и внутри. Кириллу с ней непросто. Мне с ней — тоже.

Целую, Кира

Содержание

Глава 1 : Доброе утро. Это война	5
Глава 2 : Ноябрь. Часть первая	20
Глава 3 : Ноябрь. Часть вторая.	34
Глава 4: Сафари едет ко мне	49
Глава 5: Алина, Полина, и один незванный звонок	65
Глава 6 : Воскресенье. Один документ.	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Кира Северина

Северная игра

Глава 1 : Доброе утро. Это война

В среду в десять утра у меня в кабинете царствовала тишина.

Декорации, если что. Меня зовут Ева Корецкая, двадцать семь лет, через четыре месяца двадцать восемь, и нет, мы этот факт не обсуждаем. У меня собственное PR-агентство в центре Москвы. Двенадцать сотрудников, угловой офис на четвёртом этаже одного из купеческих домов на Никитской. Окно на церковь. Потолки четыре метра. Лепнина девятнадцатого века, которую я сама раскопала под советским потолком два года назад и за которую теперь делаю Алине ежеквартальный выговор, чтобы пыль не оседала.

Десять утра среды — это мой час тишины. Я в эту минуту обычно сижу за столом, пью второй кофе и просматриваю отчёт, который Алина оставляет с вечера, и в котором я, как правило, нахожу две ошибки, одну стилистическую и одну фактическую. Это нормальный показатель. Алина у меня учится.

В эту среду в десять утра у меня зазвонил рабочий телефон.

Не мой личный. Личный сейчас в сумке в режиме «не беспокоить», я в этом режиме держу его примерно сутки в неделю, чтобы у моей мамы в Питере и у моей лучшей подруги в Москве сохранялось ощущение, что я нормальный человек и иногда отдыхаю. Я это ощущение в них поддерживаю. На самом деле «не беспокоить» означает, что я в эти сутки работаю.

Рабочий — городской, через секретариат. Если он звонит в среду в десять, значит, что-то срочное. Не мирового масштаба. Моего внутреннего.

Я подняла трубку.

— Корецкая.

— Ева Геннадьевна?

— Слушаю.

— Юлия Калинина, секретариат холдинга «Северный». Не отвлекаю?

Я не уронила чашку с кофе.

За двадцать семь лет жизни я выработала один полезный навык — мышцу под названием «не ронять важные предметы в неудобных ситуациях». В эту секунду эта мышца была единственной живой клеткой в моём теле.

Я очень спокойно сделала глоток.

— Юлия, добрый день. Чем могу быть полезна?

— Ева Геннадьевна. Совет учредителей в эту пятницу планирует запустить большую PR-кампанию по нашему новому продукту в финтех-сегменте. Бюджет серьёзный. Спи-

сок потенциальных подрядчиков короткий. Ваше агентство в этом списке. Ваше агентство — приоритетный кандидат. Учредители хотели бы видеть вас лично в эту пятницу в одиннадцать ноль ноль в нашем офисе в Сити. Презентация концепции с нашей стороны, обсуждение условий с обеих сторон. Если вы согласны участвовать в тендере, я вам сейчас передам входной пакет в почту.

Молчание.

В этом молчании, для протокола, у меня в голове успело произойти примерно следующее.

* * *

Шесть месяцев назад.

Май. Поздняя весна. Тёплая суббота. Загородный дом Светловых, родителей Полины.

Я сижу за их семейным столом, в брючном костюме, в красной помаде, и не смотрю на одного конкретного мужчину. Этот мужчина — Кирилл Беляев. Я с ним сорок минут за этим столом сижу и за эти сорок минут посмотрела на него ровно ноль раз. Не потому, что не вижу. Вижу всеми клетками кожи. Не смотрю — потому что у нас с ним идёт личная, очень тонкая, очень профессионально отрепетированная война, в которой главное правило: не сдавайся первой.

В какой-то момент Кирилл налил мне вино.

Я, не глядя, взяла свой собственный бокал.

Кирилл — впервые за наш короткий совместный анамнез — заговорил со мной не на публику. Он очень тихо, очень

низко, чтобы за столом никто не услышал кроме меня, сказал одну фразу:

— Ева. Мы с тобой так и не поговорили про ноябрь.

Скорее, не про ноябрь, а про ту самую фотографию из его телефона, на которой я якобы лежу в его кровати, в одной футболке, с открытым ртом, спящая.

Я в эту секунду — за столом моих почти-родственников, у мамы Полины Светловой по правую руку, у Артёма Северова через стол, у Полины моей лучшей подруги в полутора метрах — захотела провалиться сквозь паркет.

Не из стыда.

Из ярости.

Из того особого её вида, который возникает у женщины, когда мужчина в публичном месте, в момент, в котором она этого никак не ожидала, поднимает к ней личную тему, на которую у неё нет права не ответить.

Я очень спокойно (читай, по-опасному зловеще) пообещала: «У тебя на удаление этой фотографии — одна неделя. После — я объявляю войну. С моими ресурсами. Профессионально и без личных эмоций».

Это была моя угроза. Официальная.

Кирилл засмеялся. В нашей с ним системе общения он не сдавался никогда. Он мне на это сказал: «Ева. Я фотографию не удалю. Жду ту неделю с интересом».

Я в эту секунду за столом Светловых поняла одну вещь.

Это была не угроза. Это было объявление войны.

Была ещё одна фраза. Уже на выходе. Я её сказала Кириллу на ухо. Здесь повторять не буду. Я тогда сама не поняла, зачем её сказала.

* * *

Прошло шесть месяцев.

За эти шесть месяцев я с Кириллом не разговаривала, не виделась, не пересекалась в общих компаниях. Мы оба этого избегали с тем особым профессионализмом, на который способны только двое взрослых людей, у которых есть, что друг от друга прятать.

За эти шесть месяцев Кирилл фотографию не удалил.

Я знаю. Я просила одного знакомого аналитика (Ваня, не задавай вопросов) проверить кое-что в его публичных каналах. Кирилл, для протокола, в эти шесть месяцев свой телефон не менял. Тот же номер, тот же провайдер, тот же резервный архив на тех же серверах, у которого я через одного не очень законного посредника могла бы, теоретически, узнать, есть ли там одна конкретная фотография.

Я этого посредника не нанимала.

Я не из тех, кто решает дела через серый интернет. У меня взрослое агентство, легальные методы, репутация острая, как лезвие.

Я предпочитаю войну в открытую.

Просто Кирилл за эти шесть месяцев не дал мне повода её начать.

До этого утра.

* * *

Юлия в трубке профессионально ждала моего ответа.

Я профессионально откашлялась.

— Юлия. Я с удовольствием подъеду в пятницу в одиннадцать. Передавайте пакет на почту. В течение часа дам ответ по составу нашей команды.

— Ева Геннадьевна, спасибо. Записываю. Учредители будут лично, Артём Алексеевич Северов и Кирилл Викторович Беляев. Игорь Сергеевич Корсаков предупредил, что у него командировка, он подключится по видеосвязи.

Я задержала дыхание ровно на одну секунду.

Юлия как профессионал паузу заметила, и виду не подала.

— Понятно. Спасибо. До пятницы.

— До пятницы, Ева Геннадьевна. И добро пожаловать в холдинг «Северный».

Я положила трубку.

Я смотрела на свою чашку кофе.

В моей голове очень спокойно сформировалась одна простая мысль.

Это был не звонок.

Это был **вызов**.

Это мой Кирилл Беляев, через своей секретариат, через формальный протокол, через приоритетный тендер, через бюджет, отказаться от которого моё агентство профессионально не может, через тот самый Сити, в котором у его холдинга три этажа, в эту среду в десять утра официально на-

писал мне на лбу:

«Ева. Шесть месяцев тишины кончились. Я тебя жду в пятницу в одиннадцать в моём офисе. С твоей войной, с твоими ресурсами, с твоей профессиональной репутацией. У меня все три тоже наготове. Давай посмотрим, кто кого».

Я очень спокойно встала из-за стола.

Подошла к маленькому бару у окна, который у меня стоит для встреч с клиентами, в основном.

Налила себе мартини.

В десять утра среды.

У меня в жизни не было привычки пить мартини в десять утра. Я только что эту привычку нарушила. Поздравляю меня, у меня появилось *новое расстройство*.

Я сделала глоток.

Подошла к окну. Смотрела на церковь на Никитской.

В голове открывалась одна старая папка, которую я полгода держала под замком. Папка называлась «Кирилл Беляев».

В ней было три файла.

Файл первый. Корпоративный приём год назад. Бар. Высокий блондин с улыбкой, на которой написан весь его пятнадцатилетний опыт. Я ему ответила одной фразой про крашеного павлина с разрешения мамы. Он ушёл к стенам бара тихий и удивлённый. Я тогда впервые в жизни видела, как у мужчины может одной фразой сломаться пятнадцатилетний образ жизни. Это было приятное чувство, я в нём, не скрою,

грелась минут двадцать.

Файл второй. Закрытая вечеринка в одном частном клубе в ноябре. Алина в красном платье. Кирилл с теми же приёмами. Я сорок минут сижу у бара и смотрю. У меня внутри что-то очень странно сжимается, и это сжатие я ненавижу так, как ненавижу плохой PR-релиз с тремя восклицательными знаками подряд. После сорока минут срываюсь. Пью. Попадаю в какой-то коридор клуба. Помню его лицо у своего лица. Помню его голос: «Ева. Не сейчас». Помню чёрную вспышку. Утром его кровать, я в одной футболке, рядом он, поверх одеяла, одетый, спящий. В моей голове в эту секунду работает один сценарий: я с ним переспала. Я Ева Корецкая, у которой за двадцать семь лет жизни никогда такого не было, и я с этим Кириллом Беляевым легла в первую же его попытку.

Файл третий. Сообщение от него через два месяца. Без подписи. Только одна фотография. Я сплю с открытым ртом. Вид компрометирующий по всем уровням. Он мне это прислал без объяснений, без угроз, без даже одного слова. Это, я поняла, был его рычаг.

Шесть месяцев папка лежала закрытой.

Сегодня я её открыла.

Я допила мартини. Налила второй. Подошла к столу. Взяла телефон. Набрала номер.

* * *

Полина ответила на втором гудке.

— Ева.

— Полина.

— Ева, ты пьёшь?

— Полина, я в кабинете. Я работаю.

— Ева, я тебя по голосу слышу. Ты пьёшь. Сейчас десять двадцать утра среды. У тебя в кабинете спокойный фон. Ты дышишь в трубку как человек, у которого в руке бокал, и этот бокал не первый. Что случилось?

У меня в жизни есть одна лучшая подруга, и она у меня работает как радар. Полина по моему дыханию в трубке определяет мой алкогольный статус за две секунды. Я этой её способности всегда поражалась.

— Полина, мне позвонила секретарь твоего холдинга.

— ...

— Полина?

— Ева, повтори.

— Юлия Калинина. Секретариат «Северного». Тендер. Я в пятницу в одиннадцать у них в офисе в Сити. На месте Артём и Кирилл. Игорь по видеосвязи.

Полина в трубке выдохнула.

— Ева.

— Полина.

— Это Артём решил.

— Полина, не надо мне про Артёма. Я в твоём Артёме разберусь, когда я с ним лично в одной переговорной окажусь в пятницу. Артём большой мальчик, он сам ответит за

свои решения. Меня в этой ситуации интересует не Артём.

— Я знаю, Ева, кто тебя интересует.

— Полина, скажи мне честно. Кирилл там был в принятии этого решения?

Полина молчала.

У моей лучшей подруги в этом аспекте сохранилась одна полезная функция: когда она не хочет мне говорить правду — она молчит. Если бы Кирилл был ни при чём, она бы это сразу выдала.

Я профессионально отпила мартини.

— Полина. Я тебя слышала.

— Ева, я тебе скажу одну вещь.

— Слушаю.

— У моего Артёма за этот год появилось одно новое качество. Он стал учиться у Кирилла. Артём не дурак, Артём всегда знал, что Кирилл умнее, чем он внешне показывает. В этот год Артём это знание начал использовать. Кирилл в эти шесть месяцев Артёму одну простую вещь сказал: «Если ты хочешь, чтобы у меня в жизни сложилось, посади ко мне в одной переговорной одну конкретную женщину. И не помогай. Не вмешивайся. Я сам разберусь».

— Полина.

— Что.

— Артём согласился?

— Не сразу. Артём в этом вопросе очень осторожный, он понимает, что у меня лучшая подруга — ты, и что если ты

на меня обидишься, у меня в жизни упадёт качество субботних вечеров. Артём с Кириллом этим вопросом два месяца торговался. В итоге Артём согласился. Кирилл его всё-таки убедил. Я об этом узнала во вторник вечером, через спальню, прости. Артём решил, что если я узнаю в среду от секретариата вместе с тобой, он у меня в немилости проживёт следующий месяц.

— Полина.

— Что.

— Я тебя ненавижу.

— Я знаю, Ева.

— Я тебя ненавижу, потому что у меня в жизни лучшая подруга — ты, и ты в эту секунду должна была сказать: «Ева, не ходи в эту пятницу».

— Ева, я тебе не скажу «не ходи».

— Я знаю, что не скажешь.

— Я тебе скажу одну вещь, а ты её услышь. Хорошо?

— Слушаю.

— Ева, выживешь. У меня Артём тоже когда-то был врагом. Я с ним расставалась навсегда и три недели у тебя на кухне пила вино и плакала. Сегодня я сижу у него дома на диване и читаю книжку, мой кот лежит у него на коленях. В этой жизни всё, что начинается со взаимной ненависти к одному конкретному мужчине, это перспективная история. Сообщаю как профессионал. Иди в пятницу. Не сдавайся. И в случае чего — пиши.

— Полина.

— Что.

— Я тебя люблю.

— Я тебя тоже.

— Полина.

— Да?

— Скажи своему Артёму, что если он мне в пятницу испортит эту переговорную, я ему испорчу следующие двенадцать его субботних вечеров.

— Я ему передам, Ева. Ровно так, как ты сейчас сказала.

* * *

Я положила телефон.

Допила второй martini.

В голове открыла четвёртый, очень новый файл в моей внутренней папке «Кирилл Беляев».

В этом файле было пустое поле.

Я в нём напечатала одну строчку.

Стратегия на пятницу.

У меня в жизни не было ни одного важного дела без стратегии. В восемнадцать лет на первом важном экзамене была стратегия. На первой работе в двадцать один год была стратегия. На открытии собственного агентства в двадцать пять была стратегия. На сегодняшний звонок Полине была стратегия — узнать, при чём тут Кирилл, и не показать ему через Полину, что я нервничаю.

На пятницу стратегии у меня не было.

Под первой строчкой я написала вторую.

Цель: выиграть тендер. Без скидки на личное.

Это была не вся правда.

Под второй строчкой, после паузы, я написала третью.

Заставить Кирилла Беляева пожалеть, что он эту встречу инициировал.

Вот это была остальная правда.

Я подошла к шкафу у меня в кабинете. У меня там запасной гардероб для срочных переодеваний, три платья на пять разных уровней дресс-кода. Очень внимательно посмотрела на одно из них.

Чёрное. Tom Ford. Облегающее. С разрезом до середины бедра. Сидит как вторая кожа.

У этого платья до этой среды был один статус — «для самого опасного клиента». Я его надевала три раза. В этих трёх случаях клиенты подписывали контракты с такими условиями, на которые у меня раньше не было шансов.

Кирилл Беляев заслуживал быть моим четвертым клиентом.

Я закрыла шкаф.

Подошла к окну. На Никитской обычный среднеосенний пасмурный день. Прохожие, машины, куранты церкви бьют половину одиннадцатого.

В моей голове очень спокойно сформировалась одна мысль.

Кирилл Беляев. В эту пятницу в одиннадцать ноль ноль

твой холдинг, твой кабинет, твоя домашняя площадка. Твои совладельцы, твой бюджет, твой секретариат.

У меня — мой Tom Ford. Моё агентство. Мой шестимесячный опыт обиды, который я в эту пятницу превращу в первоклассный профессиональный продукт.

Но у меня есть одно преимущество. Совсем простое.

Кирилл, для протокола, ты думаешь, что у нас сегодня началась война и что у меня к ней нет стратегии.

Ты прав в первом.

Ты прав во втором.

Но ты не понял одной вещи.

У женщины, у которой нет стратегии, есть **интуиция**. А у моей интуиции в эту секунду в кабинете на Никитской есть один очень внятный голос. И голос мне говорит:

«Ева. Иди и не уступай. У тебя на твоей стороне те же двадцать семь лет ярости, что у него — привычки выигрывать. Поверь мне, это равная партия».

Я улыбнулась.

Очень коротко, в моём собственном стиле, с тем характерным движением углом рта, которое моя мама в Питере называет «Евочка собирается побеждать».

Я нажала кнопку селектора.

— Алина. Зайди ко мне. У меня для тебя задача.

Положила трубку.

Северная игра началась.

И я в неё, как уже подозревала, играю не одна.

Глава 2 : Ноябрь. Часть первая

«Та, в которой я ещё не пью»

Если бы кто-то спросил меня в среду в полдень, что я планирую делать в следующие несколько часов, я бы ответила: работать.

Я очень села за стол. Открыла ноутбук. Создала папку с входным пакетом по тендеру «Северного». Назначила встречу со своим креативным директором на завтра в десять. Отправила Алине задачу собрать аналитику по последним PR-кампаниям финтех-сегмента. Записала себе в календарь напоминание заехать к зубному в четверг, потому что я в стрессовых ситуациях имею привычку забывать про быт.

Через сорок минут я обнаружила, что я смотрю в монитор, и в моём документе написана одна строчка.

Кирилл Беляев. Ноябрь. Что я о нём знаю.

Я очень профессионально закрыла этот документ.

Очень профессионально открыла второй.

В нём через десять минут оказалась написана та же фраза.

На третьей попытке я сдалась.

Хорошо. Раз уж моя голова в этот день отказывалась работать, я ей разрешу заняться тем, чем она хочет заняться. Я закрыла дверь кабинета. Села в кресло у окна. Налила себе третий martini (поздравляю меня, у меня официально новое расстройство, ускоренными темпами).

И открыла ту самую папку «Кирилл Беляев», файл второй.

Ноябрь.

* * *

Год назад.

Я уже опытная женщина двадцати шести с половиной лет, у меня собственное агентство, у меня в портфеле первый по-настоящему серьёзный клиент — частный клуб «Лесная», который собрался устраивать первое в своей истории закрытое мероприятие для очень узкого круга очень узких людей.

Хозяина клуба зовут Аркадий Викторович. Аркадию Викторовичу пятьдесят два года, у него рост метр шестьдесят восемь и характер метр девяносто пять. Он меня нанял после того, как мы с ним поговорили двадцать минут, в течение которых он три раза проверил мою профессиональную репутацию, а я три раза проверила его платёжеспособность, и мы по итогам этих двух проверок остались друг другом довольны.

Аркадий Викторович в этот ноябрь устраивал вечеринку, на которую он позвал около ста двадцати человек: банкиры, девелоперы, два депутата (которых я в моём списке гостей пометила как «двух пенсионеров с галстуками», чтобы не выдавать имён даже сама себе), пять представителей крупных холдингов, и совершенно никаких звёзд. Аркадий Викторович терпеть не может звёзд.

В списке гостей под пометкой «холдинги» у меня значи-

лись трое из «Северного». Артём Северов. Игорь Корсаков. И, для полноты картины, Кирилл Беляев.

Я этот список собирала лично.

Имя Беляева я в нём подчеркнула один раз.

Не потому, что мне это было важно.

А потому что у меня все недели до этого вечера в моей голове сидела одна сцена, которую я не могла забыть. Корпоративный приём холдинга «Северный», на который меня пригласила Полина, бар, высокий блондин с улыбкой, моя одна фраза про крашеного павлина. После которой блондин ушёл к стенам бара тихий и удивлённый.

Я тогда подумала: «Ева, ты в эту секунду либо приобрела одного хорошего противника, либо одного очень странного клиента». Я не знала, какое из двух.

В ноябрьской вечеринке в клубе «Лесная» я подсознательно надеялась узнать.

* * *

В девять вечера у меня в офисе Алина заканчивала готовиться к выезду.

Я должна пояснить про Алину.

Алина Лебедева, двадцать четыре года, аналитик по медиа в моём агентстве, у меня уже полгода. Когда я её нанимала, я ей в первую же неделю сказала: «Алина. Ты у меня в команде по одной конкретной задаче — грязный PR. Я в этой сфере руки марать не хочу. Ты в этой сфере человек одарённый. Это твой профиль. По другим вопросам у меня

к тебе вопросов нет, но и тебе ко мне с другими вопросами лучше не подходить».

Алина приняла. Она у меня работает безупречно. Алина — единственный человек в моём окружении, у которого нет границы между «можно» и «нельзя», и которого я с этим качеством профессионально использую.

Внешне Алина — двадцать четыре года, рост метр семьдесят восемь, длинные тёмные волосы, фигура, на которую в любом помещении оборачиваются мужчины, и в которой нет ни одного процента случайности (она с восемнадцати лет на профессиональной диете и в зале трижды в неделю). Алина любит платья с открытой спиной, шпильки в десять сантиметров и красную помаду — в этом мы с ней совпадаем, и это совпадение я ей не прощаю.

В тот ноябрьский вечер у меня в офисе она примерила платье, которое выбрала на эту вечеринку. Красное. Очень короткое. С открытой спиной. С тонкими бретельками.

Я молча на неё посмотрела.

— Алина.

— Что, Ева Геннадьевна?

— Алина, ты на работу собираешься или на охоту?

— Ева Геннадьевна, я в этом сегменте между этими двумя занятиями разницы не вижу.

Я закрыла глаза.

Я открыла глаза.

Алина стояла в платье, в котором я бы её в любой другой

день из любого мероприятия выгнала. В эту конкретную пятницу я её выгнать не могла. У меня сегодня вечером в клубе мероприятие на сто двадцать гостей, у меня там работают трое моих сотрудников, и одна из них — Алина в красном.

— Хорошо. Идём. Но Алина.

— Что.

— Если ты сегодня сорвёшь хотя бы один деловой контакт ради своей охоты — я тебя в понедельник на работу не пускаю. Со всеми последствиями.

— Ева Геннадьевна, я профессионал.

— Алина, я тебе об этом и напоминаю.

Я сама была в чёрном смокинге. Тонкие чёрные брюки, белая шёлковая блузка, чёрный пиджак с шёлковыми лацканами, лодочки, красная помада. В целом, я в этот вечер выглядела как женщина, у которой работа на первом месте, мужчины на пятом, и о существовании пунктов с шестого по сотый она в принципе не знает.

Это была идеальная экипировка.

Но в эту секунду она выглядела как форма обслуживающего персонала на фоне Алины.

Я этого не заметила.

По крайней мере, я тогда так себе сказала.

* * *

Мы приехали в «Лесную» в десять вечера.

Я уже работала — встретила Аркадия Викторовича, проверила фотографа, поговорила с барменами, дала виски с ли-

моном моему ведущему вечера (этот ведущий, для протокола, был лучший в Москве в нашем сегменте; он у меня в портфеле два года и стоит мне как звезда международного класса, но я ему этого никогда не говорю, у нас с ним другая система).

К одиннадцати клуб был полон.

В одиннадцать пятнадцать в зал зашли трое мужчин из холдинга «Северный».

Я стояла у бара, что-то проверяя в своём планшете. Я увидела их периферическим зрением. Подняла глаза.

Артём Северов: чёрный костюм, белая рубашка, лицо человека, который пришёл потому, что должен, и который в этот вечер планирует выйти из этого клуба ровно через два часа десять минут, ни секундой позже.

Игорь Корсаков: чёрный костюм, чёрная рубашка, лицо человека, для которого социальные мероприятия — это форма физической нагрузки.

Кирилл Беляев: тёмно-синий костюм (это, я молниеносно отметила, было дерзкое решение, в зале, где принят чёрный, тёмно-синий считается лёгкой провокацией), светлая рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей (вторая провокация), и взгляд, который при входе в зал прошёлся по всему помещению, нашёл меня у бара за полсекунды и задержался на мне ровно на одну секунду дольше, чем нужно.

Я отвернулась к планшету.

Я в эту секунду в голове очень подумала одну вещь.

Беляев. Ты приехал.

Я в эту секунду в голове очень подумала вторую вещь.

Я этого ждала.

Я эту вторую мысль очень быстро запихала обратно в ту папку, в которой я хранила всё то, чего у меня в моей жизни в принципе не должно было быть.

* * *

Алина увидела Кирилла на четверть часа позже меня.

Я уточняю (читай, признаю с неохотой), это меня в эту секунду не удивило. У нее радар на самых дорогих мужчин в зале работает быстрее, чем у других женщин на одеколон.

Алина стояла у дальнего бара с одной из моих ассистенток и обсуждала с ней что-то про шампанское. Она повернула голову и за полсекунды оценила Кирилла. А уже за следующие полсекунды решила, что Кирилл сегодня вечером входит в её рабочий план.

Я уточняю (читай, констатирую): это была не моя проблема. Алина по правилам клуба «Лесная» в этот вечер обслуживала гостей, и Кирилл попадал в категорию «обслужить». Между профессиональным обслуживанием и охотой не было границы — Алина мне сама час назад это подтвердила.

Я подошла к Артёму.

— Артём Алексеевич.

— Ева Геннадьевна.

— Спасибо, что приехали. Барная зона у нас в правой части, банкетная — в центральной. На банкете говорит Арка-

дий Викторович в одиннадцать сорок пять. После него — короткая программа, час, потом неформальное общение. Программа у вас в пакете на ресепшн, если интересно.

— Я возьму на ресепшн. Полина передала тебе привет.

— Передай ей в ответ, что я её вызываю на ужин в воскресенье.

— Передам. Ева.

— Артём.

— У меня к тебе один личный вопрос.

Я подняла бровь. Артём Северов в нашем с ним общении личных вопросов мне никогда не задавал. У нас с Артёмом за год знакомства не было ни одного личного разговора. Он считал, что это правильно — у его женщины я лучшая подруга, и в его жизни моё нахождение в отдельной от него плоскости его устраивало.

— Слушаю.

— Кирилла Беляева ты сегодня видела?

Я посмотрела на Артёма.

Артём, в свои тридцать два с половиной года, в чёрном костюме, с лицом, которое в эту секунду абсолютно ничего не выражало, стоял передо мной и спрашивал у меня вопрос, на который у него был один ответ, потому что Артём всё видел сам. У него тоже периферическое зрение работало очень хорошо.

— Видела, Артём.

— Ева. Я тебе скажу одну вещь и больше к этому возвра-

щаться не буду.

— Слушаю.

— Кирилл — мой друг. Я его люблю как брата. И он сложный мужик. Тебе с ним будет тяжело.

Я не моргнула.

Артём не моргнул.

Мы стояли друг напротив друга, и в эту минуту, между Артёмом Северовым и Евой Корецкой, у которых не было ни одного личного разговора за год, что-то произошло. У меня в голове очень быстро мелькнула одна мысль: Полина в курсе? Артём её просил? Или это его личный шаг?

Артём заметил мой вопрос ещё до того, как я его задала.

— Полина не в курсе. Она бы сказала «не вмешивайся». Я вмешиваюсь сейчас сам. Я тебя профессионально уважаю. У тебя по жизни одна Полина. У Полины по жизни одна ты. У Кирилла по жизни одна Татьяна, имя которой ты услышишь через десять секунд от него самого, если он наконец доберётся до тебя через зал. Я тебе сообщаю это, чтобы ты, когда услышишь это имя, понимала контекст. Татьяна была у Кирилла двенадцать лет назад. Это история длинная. Я тебе её сейчас не рассказываю, я рассказываю один её итог: Кирилл с тех пор живёт по одной формуле — «всё или ничего». Ева, с такой формулой женщине рядом сложно. Я тебя просто предупреждаю. Если тебе нужен этот мужик — иди. Если нет — обходи.

— Спасибо.

— Не за что. Я тебе должен. У меня в моей с тобой статистике впервые есть личный разговор. Считай, что я свою норму выполнил.

— Артём.

— Да?

— Передай Полине, что я её люблю.

— Я передам.

Артём отошёл в сторону к Игорю.

Игорь в этот момент стоял у стены, смотрел в зал, и, по моим оценкам, классифицировал гостей по степени потенциальной опасности. Игорь меня заметил, очень коротко кивнул, и продолжил свою операцию.

Кирилл в этот момент уже стоял у дальнего бара с Алиной.

* * *

Я подошла к планшету, который оставила на столе у входа в зал.

Подняла планшет.

Открыла рабочий чат.

Написала своему ведущему: «Михаил, на банкете прошу не использовать шутку про министерство образования. У нас сегодня в гостях депутат, который про это министерство имеет своё мнение, и мне не нужно, чтобы он своё мнение озвучил публично». Михаил очень профессионально ответил: «Понял. Заменяю на министерство культуры».

Я подумала, что у меня в моей жизни работает идеальная команда.

Я очень профессионально подняла глаза.

Кирилл и Алина у дальнего бара.

Между ними сорок сантиметров. Кирилл наклонился к Алине, чтобы её услышать в общем шуме зала. Алина смеётся, в её смехе нет ни одной случайной ноты, она это с восемнадцати лет тренировала. Кирилл что-то говорит, в его глазах та самая улыбка, которую я уже узнаю в любой точке зала по затылку.

Та самая улыбка, которая ничего не дала ему две недели назад на корпоративе.

Та самая улыбка, которая в эту секунду в её красном платье получала ответ.

У меня в груди что-то очень странно сжалось.

Я профессионально подавила это сжатие.

Я вернулась к планшету.

В чате Михаил очень согласовывал со мной следующий пункт программы. Я очень профессионально отвечала.

Через десять минут я подняла глаза снова.

Между Алиной и Кириллом было уже двадцать сантиметров.

У Алины в руке был его бокал. Она его держала так, как держит женщина чужой бокал, когда между ней и мужчиной уже договоренность о том, что бокал перестал быть чужим.

Я профессионально выдохнула.

Включила планшет и открыла раздел «бар».

Написала одному из своих ассистентов: «Подойди к даль-

нему бару. Аккуратно. Передай Алине, что мне нужно с ней поговорить. Сейчас».

Я очень профессионально не отдавала себе отчёта в том, что я только что в моей голове сделала.

Я отозвала Алину от Кирилла.

По моим внутренним инструкциям — это было нарушение. Алина работала. Алина обслуживала клиента. Я не имела права её отзывать ради моих внутренних сжатий.

Я её отозвала.

Я в эту секунду себе очень профессионально (читай, нагло) соврала, что я её отзываю по делу.

* * *

Алина подошла через две минуты.

— Ева Геннадьевна.

— Алина. Срочное. Подойди к столу у входа, там у нас минут через двадцать будут гости с пометкой ВИП, нужно их встретить лично. Михаил это сделать не может, у него банкет через сорок минут. Я бы пошла сама, но мне нужно тут разруливать. Иди ты.

Алина посмотрела на меня.

Я знаю этот её взгляд.

Это был взгляд, в котором было примерно следующее: «Ева Геннадьевна, я тебя за полгода нашего совместного проживания в одном офисе изучила. Ты сейчас врёшь. Я не понимаю, почему ты врёшь, но я это вижу. Я не буду тебе на это указывать, потому что у меня в твоём агентстве самая

высокая зарплата в моём профессиональном сегменте, и я не дура. Я пойду к столу у входа и сделаю вид, что я тебе поверила».

— Ева Геннадьевна, поняла. Иду.

— Алина. Спасибо.

— Не за что.

Алина отошла. Алина по дороге, очень профессионально, очень незаметно, очень нехотя в спину Кириллу улыбнулась улыбкой типа «увы».

Кирилл с того места у бара очень профессионально, очень незаметно, очень разочарованно эту её улыбку перехватил.

Кирилл в эту секунду повернул голову.

Он нашёл меня глазами через зал за полсекунды и очень коротко, очень понимающе, очень опасно улыбнулся.

Он меня вычислил.

Он понял, почему я отозвала Алину.

У меня впереди очень неприятный остаток вечера.

Я отвернулась к планшету.

Очень профессионально подумала, что мне в эту секунду остаётся одна вещь — выпить.

Я подошла к ближайшему бару.

Я заказала бокал вина.

В одиннадцать сорок две вечера, через час сорок две после начала моего мероприятия, через десять минут после того, как Артём Северов меня предупредил, что у Кирилла Беляева есть Татьяна, имя которой я обязана была услышать от

самого Кирилла.

Я выпила первый бокал за полторы минуты.

Это, как выяснилось через несколько часов, была моя ошибка.

Но я этого ещё не знала.

Глава 3 : Ноябрь. Часть вторая.

«Та, в которой я уже пью»

Первый бокал я допила за полторы минуты.

Это не было моим обычным темпом. У меня обычно один бокал работает на сорок минут разговора. В моей профессии бокал — это инструмент, а не напиток. Я этот инструмент использую профессионально.

В этот вечер он работал как напиток.

Я заказала второй.

Бармен Сергей в эту секунду на меня очень профессионально посмотрел. Сергей у меня в проекте «Лесная» работает с открытия, Сергей меня знает, Сергей наблюдает за моим темпом потребления своего собственного товара, и Сергей в эту секунду профессионально решил, что у меня в эту пятницу что-то не очень. Сергей мне налил вторую порцию, поставил бокал на стойку и отошёл.

Я очень спокойно (читай, по-опасному откровенно) подумала одну вещь.

Я хочу его.

Точка.

У меня в моей жизни впервые за пять лет в моей голове появилось это слово без сослагательного наклонения, без иронии, без снисхождения к самой ситуации. Без оговорок. Без рамок. Просто короткое грамматическое утверждение.

Кирилла Беляева, который сейчас стоит в дальнем конце зала у бара без Алины, в тёмно-синем костюме с расстёгнутой пуговицей, с тем самым взглядом, которым он на меня смотрит уже четыре минуты подряд.

Я *хочу* его так, что у меня в правой руке *профессионально* дрожит вино.

Тело перестало работать в режиме профессиональной женщины и начало работать в режиме женщины.

Я этим переключением была озадачена.

Я его не остановила.

* * *

Я смотрела на него.

Не открыто. Боковым зрением, через зал, через моих гостей, через моего ведущего, который в эту секунду в микрофон что-то говорил про Аркадия Викторовича и про двадцатилетие клуба «Лесная».

Я смотрела на его рот. На нижнюю губу, которая у него чуть полнее верхней. Я очень внятно понимала, какой формы укус я могла бы оставить на этой губе. Я этот укус мысленно отрепетировала. У меня внутри между рёбрами что-то от этой репетиции очень странно перевернулось.

Я смотрела на его плечи. У них было одно свойство — мне в эту секунду хотелось, чтобы они были надо мной.

Я смотрела на его руки. На пальцы. На один конкретный палец, который он сейчас держал на стенке своего бокала и у которого, как я понимала, было для меня конкретное назна-

чение — и я была готова ему это сообщить.

Я смотрела на его шею. На точку под подбородком, в которой пульсировала вена. Я в жизни никогда раньше не смотрела на эту точку у мужчин. Я этому факту отдельно ужаснулась.

У меня по позвоночнику пошёл озноб.

Не от страха.

От ожидания.

Я этот озноб не остановила. Наоборот — я его себе разрешила.

В моей голове в эту минуту параллельно работал второй голос. Профессиональный. Старый. Двадцатисемилетний.

Ева. Артём тебе только что сказал, что у этого мужика есть Татьяна, с формулой «всё или ничего». Артём тебе только что сказал, что с такой формулой женщине рядом сложно. Артём тебе дал инструмент — иди или обходи. Ты сейчас принимаешь решение из этих двух.

Я этому голосу мысленно ответила.

Я знаю.

И допила второй бокал.

* * *

Аркадий Викторович в одиннадцать сорок пять произнёс свою речь.

Я профессионально слушала. Я профессионально смотрела на лица гостей. Я профессионально записывала в планшет реакцию двух пенсионеров с галстуками, чтобы потом пере-

дать Аркадию Викторовичу обратную связь.

Я ничего из его речи не помню.

Я считала: сколько метров между мной и Кириллом. По прямой через зал — двенадцать. С обходом стола Аркадия Викторовича — пятнадцать. С обходом колонны — четырнадцать с половиной. Я считала это так, как обычно считают шахматисты ходы — методично, без эмоции, с прорабатыванием всех вариантов.

Я не двигалась с моего места у бара.

Я не подходила.

Я держалась за одну тонкую профессиональную дисциплину, по которой ко мне за весь вечер ни одного нарекания не было предъявлено.

Я заказала третий.

Сергей за барной стойкой в эту секунду посмотрел на меня. Профессионально. Спокойно. Тем взглядом, в котором было одно нейтральное «Ева Геннадьевна, я тебе налью, но я при тебе же тебя по работе утром в понедельник упомяну в нашем чате».

Я ему молча кивнула.

Сергей налил и я начала играть со своими остатками разума.

Если он сейчас к тебе подойдёт — ты с ним не уйдёшь.

Если он сейчас к тебе подойдёт — ты с ним сегодня уйдёшь.

Эти две мысли в моей голове работали одновременно. У

них было два разных автора.

Первый — это была я двадцатисемилетняя профессиональная.

Второй — это была я двадцатисемилетняя женщина, у которой в этот вечер впервые в её жизни проснулось одно очень конкретное физическое существо. И это существо требовало огня.

Я между ними не выбирала.

Я допила третий.

* * *

В двенадцать ноль семь к бару подошёл Кирилл.

Я зафиксировала это время на моём планшете автоматически. У меня была привычка — фиксировать время всех значимых событий мероприятия. Подход Кирилла Беляева к барной стойке в моём планшете оказался отмечен как событие тридцать четыре.

Я этому факту очень коротко рассмеялась.

Беззвучно. Углом рта.

Кирилл прислонился к стойке через одно барное место от меня.

Не вплотную.

Через одно место.

Я уже к этому моменту знала, что это дистанция выбрана профессионально. Кирилл за пятнадцать лет в этой среде усвоил, что женщина, к которой подходишь в баре, должна сама решить, сократить дистанцию или нет. Кирилл вы-

брал классическую дистанцию переговоров. Я в эту секунду очень спокойно подумала, что Кирилл — мой коллега. Только в нашей с ним системе общения переговоры идут в другую сторону.

Кирилл заказал виски.

Кирилл выпил половину одним глотком.

Я зафиксировала, что его темп потребления алкоголя сегодня тоже выше обычного. Это было ободряющим наблюдением.

Кирилл посмотрел в свой бокал и, не глядя на меня, очень тихо сказал:

— Корецкая.

— Беляев.

— Хорошее мероприятие.

— Спасибо. Я в курсе.

Кирилл очень коротко рассмеялся. Тихо. У него на лице на полсекунды появилась настоящая улыбка. Не та, которой он работал у Алины. Другая. Та, которая у мужчин появляется, когда они впервые за вечер встречают равного противника.

Я эту улыбку засекла, и в груди что-то очень сильно потянуло.

— Я тебе сказать хочу одну вещь.

— Слушаю.

— Ты на прошлой неделе назвала меня крашеным павлином с чьего-то там разрешения.

— Это было две недели назад.

— В моей памяти это ой как свежо.

Я посмотрела на него.

Кирилл посмотрел на меня.

Между нами было сейчас примерно полтора метра — слишком много. У меня появилось желание сделать одну простую вещь — встать со своего стула и пересесть на одно место ближе.

Я этого не сделала.

Я профессионально держалась.

— Что ты хотел сказать?

— Я хотел сказать одну вещь, Ева. У меня к тебе за эти три недели появилось одно чувство, которое раньше ни к одной женщине не появлялось.

— Какое?

— Я тебе его сейчас не скажу.

— Ты сам у себя предложение начал.

— Знаю. У меня с тобой особый случай — я в эту минуту понимаю, что я в нашем разговоре сейчас сильно проиграю, если назову это чувство вслух. Я тебе его скажу через год.

— Через год?

— Через год, через два, не имеет значения. Я в твоей жизни никуда не денусь, Корецкая. Ты это уже знаешь. И я тебе сегодня одно скажу. Ты не Алина.

Я моргнула.

— Беяев, что?

— Корецкая, ты не Алина. С Алиной у меня было ровно сорок минут вечера. Это профессиональный жест с моей стороны. Я очень коротко проверил, как работает мой обычный набор. Он работает. Я этот набор у Алины оставил. У меня для тебя — другой набор. Я его сейчас не использую, потому что мы с тобой ещё не доросли. Я тебе об этом сообщаю для протокола.

Я смотрела на Кирилла и осознала:

Беляев меня в эту минуту официально предупредил.

Беляев в эту минуту официально сказал мне, что между нами идёт не короткие стычки с флиртом, а длинная игра. И что у него для этой игры есть свой собственный график.

У меня от этого графика — у меня внутри произошёл маленький обвал.

Беляев. А кто такая Татьяна?

Про себя.

Я выпила четвёртый бокал, который Сергей мне в эту минуту бесшумно поставил передо мной. (Спасибо, добрый и понимающий человек)

* * *

Я не помню, как мы оказались в коридоре.

Уточню: я не помню точно. Я помню фрагменты.

Помню, что Кирилл что-то сказал. Помню, что я ему что-то ответила. Помню, что я встала со своего стула у бара. Помню, что мои каблуки очень профессионально по этой плитке прошли пятнадцать метров до коридора, ведущего к туале-

там. Помню, что Кирилл шёл за мной. Я ему этого не предлагала, я просто пошла, и Кирилл за мной пошёл.

В коридоре было тихо. Темнее, чем в зале. Тёплый свет от настенных бра. У дальнего конца — дверь служебного выхода с подсветкой «выход» зелёным.

Я остановилась примерно на середине коридора.

Не у двери туалета. Между.

Я повернулась к Кириллу.

Кирилл остановился в полуметре от меня.

Я хочу. Чтобы он. Сейчас. У этой стены. Без объяснений и без любви. Просто как двое взрослых, которые наконец сделали то, что они весь вечер откладывали.

Сейчас.

Кирилл смотрел на меня.

Я подошла к нему.

Я положила руку на его рубашку. На грудь. Через шёлк я чувствовала его сердце. Оно билось очень быстро, и это вызвало тягучую сладость внизу живота.

Я подняла лицо и наклонилась к его губам.

В полусантиметре от его рта я остановилась, потому что моя голова в эту секунду закружилась, очень коротко, очень резко, и я опёрлась рукой о его грудь, чтобы не упасть.

Кирилл очень аккуратно положил свои руки мне на плечи. Не притягивая. Не отталкивая. Удерживая.

Кирилл очень тихо сказал мне в губы:

— Ева. Не сейчас.

Я моргнула.

— Что.

— Не сейчас, Ева. Не вот так. Я хочу, чтобы ты помнила, что было. И я хочу, чтобы ты сама ко мне пришла. Не после четырёх бокалов вина. Из решения.

— Беляев.

— Не сейчас, Ева.

Я открыла рот, чтобы что-то ему ответить, но в моей голове произошла чёрная вспышка.

* * *

Я открыла глаза.

Над моей головой потолок. Незнакомый. Высокий. С маленькой круглой лампой, которая горит на четверть мощности.

В правой части у меня бил молот.

Я попыталась повернуть голову.

От движения молот ударил сильнее. Я застонала очень тихо.

Что-то справа от меня шевельнулось.

Я повернула глаза.

Кирилл.

Полностью одетый. В тёмно-синих брюках, в светлой рубашке, лёжа поверх одеяла, на боку, лицом ко мне.

Он спал.

У меня в голове очень медленно начало работать какое-то предложение. Оно состояло из примерно следующих слов:

я. В его. Кровати. Я не помню, как я тут оказалась. У меня болит голова. На мне.

Я очень осторожно подняла одеяло.

На мне была одна футболка. Тёмно-синяя, мужская, очень большая. Не моя. Под ней мне показалось, что моё нижнее бельё. Без полной уверенности.

Я закрыла глаза.

Я их снова открыла.

На полу у кровати — мой смокинг пиджак, моя блузка, мои брюки. Аккуратно разложены, не брошены. Аккуратно сложены.

Кто их так сложил, я не знала.

Я подозревала.

Какое-то очень большое холодное ощущение.

Я только что переспала с Кириллом Беляевым в первую же его попытку.

Я Ева Корецкая, у которой за двадцать семь лет жизни никогда такого не было, и я с этим Кириллом, в первую же его попытку, после трёх или четырёх бокалов вина, в красном платье на Алине, в коридоре «Лесной» с фразой «не сейчас», в чужой кровати в его футболке.

Ева. Поздравляю. У тебя только что упал твой собственный потолок.

Кирилл рядом со мной открыл глаза.

Очень спокойно. Не поднимая головы.

Он посмотрел на меня.

В его глазах в эту секунду было что-то, чего я в нём раньше не видела. Не игра. Не обычная улыбка. Что-то спокойное и одновременно очень внимательное. Так смотрят люди, когда они в чужом состоянии очень профессионально замечают каждую деталь.

— Ева.

— Беляев.

— Как голова?

— Не самым лучшим образом. И я в твоей кровати.

— Я знаю.

— У меня к тебе один вопрос.

— Ты сейчас в физическом состоянии, в котором у тебя ни один вопрос не сработает. Я тебе сейчас вызову такси. Ты поедешь домой, поспишь до вечера, и в понедельник у нас с тобой будет разговор. Если ты захочешь.

— Беляев.

— Ева, я не шучу. У тебя сейчас глаза не открываются. Я тебе сейчас принесу воды и вызову такси. Я не из тех, кто использует женщину в её плохом утре. Иди в ванную, я тебе вещи положу.

Кирилл встал.

Я не нашла в себе сил с ним спорить.

Я согласилась со всем, что он сказал.

Я приняла душ. Я оделась в свой смокинг. Я выпила два стакана воды. Я взяла мой телефон, мою сумку и моё пальто, которое Кирилл мне положил на кресло в прихожей.

Кирилл проводил меня до двери.

Не до такси. До двери.

На пороге Кирилл очень аккуратно посмотрел на меня и очень тихо сказал:

— Ева. Я тебя в понедельник найду.

— Не нужно.

Я ушла только с одной мыслью:

Я с ним переспала. Он меня в понедельник найдёт, чтобы продолжить. Я этого не хочу. Я не из тех эсениц, которые встречаются с мужчинами, которые в пятницу делали мне предложение «не сейчас» и в субботу со мной всё-таки переспали в моём пьяном состоянии. Это была моя одна ночь. Я её закрываю.

Я села в такси.

Я доехала до своей квартиры.

Я закрыла за собой дверь.

Я в эту субботу проспала до семи вечера.

Кирилл мне в понедельник не позвонил.

Я ему очень профессионально была за это благодарна.

* * *

Через два месяца, в январе, во вторник около полудня, у меня на телефоне раздался короткий звук уведомления.

Сообщение от номера, который у меня в записной книжке был отмечен «К. Беляев».

Без текста.

Одна фотография.

Я в его кровати. В его тёмно-синей футболке. С открытым ртом. С волосами в беспорядке. С одеялом, которое прикрывает меня до пояса, и не выше.

Я по-холодному ясно поняла одну вещь.

Это была не случайная фотография.

Это было на случай, если я когда-нибудь захочу про эту ноябрьскую ночь забыть. Это напоминание, что Кирилл Беляев ничего не забывает.

Я удалила его номер.

Фотографию я не удалила. Она у меня осталась в архиве, с пометкой «обязательно вспомнить, если будешь забывать».

После я не видела его четыре месяца.

До обеда у Светловых.

* * *

Я в среду в кабинете на Никитской допила третий martini.

За окном куранты пробили двенадцать и я осознавала:

В пятницу в одиннадцать ноль ноль у меня переговорная в офисе холдинга «Северный». Я в эту переговорную захожу не как PR-директор и не как профессионал. Я в эту переговорную захожу как женщина, у которой в одной отдельной папке в её голове лежит одна ноябрьская ночь, одна фотография без подписи и одно обещание под названием «не сейчас», которое Кирилл Беляев нарушил.

У него было два пути. Он мог не присылать мне фотографию. Тогда у меня осталось бы одно горькое утро и одно

медленное забывание.

Он прислал.

Он этим выбрал второй путь — путь рычага.

Я этот рычаг приняла на себя.

В пятницу в одиннадцать ноль ноль я этот рычаг ему верну.

С процентами.

Я нажала кнопку селектора.

— Алина. Зайди ко мне. У меня для тебя задача.

Глава 4: Сафари едет ко мне

В пятницу в восемь утра я стояла в моём гардеробном помещении в одном нижнем белье и смотрела на чёрное.

Не на смокинг. Чёрное маленькое платье. Tom Ford. Облегающее. С разрезом до середины бедра.

Я его надела. Сидит как вторая кожа.

Сделала макияж. Не вечерний. Дневной с акцентом на скулы. Красная помада, которая у меня держится восемь часов, я её проверяла лично в две тысячи двадцать первом году на одних очень тяжёлых переговорах, которые длились семь часов сорок минут, и помада в конце была на том же месте, что и в начале. У меня к ней с тех пор личное доверие.

Волосы я собрала в низкий хвост. Не строгий. Не небрежный. Промежуточный. У этого хвоста было одно свойство — он создавал у мужчин в радиусе двух метров иллюзию, что у них есть возможность его освободить. Эта иллюзия стоила мужчинам, в среднем, одного дополнительного процента маржи в мою пользу.

Я этим хвостом сегодня очень профессионально пользовалась.

Я посмотрела на себя в зеркало.

В зеркале — Ева Корецкая, в чёрном Tom Ford, в лодочках на десять сантиметров, с красной помадой, с тёмным хвостом, и с выражением лица, которое моя мама в Питере

называет «Евочка собирается побеждать, и противнику пора молиться».

Я улыбнулась самой себе.

Углом рта.

В моём собственном стиле.

* * *

В девять сорок я выехала из Хамовников.

Тёмно-серый Porsche Macan, мой собственный, на собственные деньги, не подарок, не аренда, не лизинг. Я к своей машине относилась с тем же уважением, с каким Полина к своему S5, и у нас с Полиной был один совместный профессиональный эпизод.

Год назад, через две недели после того, как Полина вернулась из Берлина, она мне в моём кабинете на Никитской сказала одну фразу: «Ева, твой стиль вождения в Москве — это позорище. Если ты едешь так, как пиаришь, у тебя клиенты должны были разбежаться». Полина тогда впервые сделала со мной одну вещь. Она меня обучала.

Я на нее за это год назад была глубоко обижена.

Я ей за это год назад была глубоко благодарна.

Полина обучила. Я в Москве за год выработала стиль, который у неё в её внутренней статистике обозначался «ещё чуть-чуть и опасно, но в пределах разумного». Это был профессиональный комплимент.

Я в эту пятницу в девять пятьдесят на Третьем кольце увидела две вещи.

Первая — мой телефон загорелся именем «Полина».

Вторая — я нажала кнопку громкой связи быстрее, чем мой Масап переключил передачу.

— Полина.

— Ева. Я тебе один вопрос задам, и ты честно ответь.

— Слушаю.

— Ты в каком ты состоянии? Профессиональном или личностном?

— Полина. Я в макане. Я ровно как тот лев, который едет на сафари. Это сафари едет ко мне, а не я к нему. У меня в этом состоянии всё в порядке.

Полина в трубке замолчала.

Я слышала, как она в трубке улыбается. У моей лучшей подруги в этот год кроме мужчины и кота прибавилась одна полезная социальная функция — она в Артёмовом доме впервые в её жизни научилась улыбаться беззвучно. Раньше у Полины беззвучных улыбок не было. Это была моя любимая её приобретённая привычка.

— Ева.

— Полина.

— Передай Беляеву привет.

— Я ему передам, что я там по твоей просьбе. Это его расстроит.

— Ева, ты прекрасна.

— Полина, я знаю.

Полина рассмеялась и положила трубку.

* * *

В Сити я въехала в десять сорок две.

На подземной парковке башни, в которой у «Северного» три этажа, у меня был бронированный гостевой бокс. Я в этот бокс заехала, заглушила двигатель, посмотрела на себя в зеркало (помада на месте, хвост на месте, выражение лица «противник пусть молится» — на месте), и вышла из машины.

В лифте поднималась одна. Это был лифт для гостей, который доезжает до тридцать восьмого этажа, где расположен ресепшен «Северного». Дальше — по приглашению.

На тридцать восьмом меня встретила Юлия Калинина. Лично.

Я подметила, что она ради меня вышла из своего кабинета на сорок втором, на котором у учредителей располагается их собственный секретариат. Юлия Калинина в эту секунду делала мне профессиональное одолжение. Я этим одолжением должна была воспользоваться.

— Ева Геннадьевна. Доброе утро.

— Юлия. Доброе утро. Спасибо, что встречаете лично.

— Не за что. Учредители ждут на сорок втором, в большой переговорной. Артём Алексеевич и Кирилл Викторович уже на месте. Игорь Сергеевич подключится через монитор, у него командировка в Хабаровске.

— Хабаровск.

— Да.

— Юлия, у меня к Хабаровску всегда было одно профессиональное уважение.

Юлия профессионально не отреагировала на мою шутку (Юлия в эту секунду профессионально решила, что у меня уровень стресса выше моего собственного. Юлия не ошиблась).

Мы поднялись на сорок второй.

* * *

Большая переговорная «Северного» — это пространство, которое подходило мужчинам, которые в этой компании работали.

Угловая. Панорама. Москва-Сити с трёх сторон. Полированный камень, тёмное дерево, минимум мебели. Длинный стол на восемнадцать персон. Кожаные кресла. Один большой монитор на дальней стене для видеосвязи. Узнаваемые корпоративные стандарты — узнаваемые логотипы, узнаваемый шрифт, узнаваемая корпоративная *скука*.

В переговорной были два мужчины.

Артём в дальнем конце стола, в чёрном пиджаке, с открытым ноутбуком, с лицом, которое говорило «я профессионально рад, что Ева приехала, я профессионально готов вести встречу, и я профессионально болею за Полину как лучшую подругу Евы». У Артёма за год появилась эта тройная профессионально-лично-семейная улыбка, которой раньше у него не было. Я этой улыбке мысленно поставила галочку.

Кирилл стоял у окна спиной к двери, в тёмно-сером костюме (не тёмно-синий, не чёрный — сегодня серый, я этот выбор отдельно отметила) и в белой рубашке, и смотрел на Сити.

Когда я вошла, он не сразу повернулся.

Он повернулся через одну секунду.

Он посмотрел на меня.

Я этот его взгляд отдельно засекла.

У Кирилла Беляева, я зафиксировала, есть один характерный взгляд при первой встрече с женщиной за вечер. Этот взгляд — короткий, профессиональный, скользящий. Так смотрят мужчины, у которых в зале сорок человек, и у которых есть ровно три секунды на то, чтобы оценить каждого.

Сегодня это был другой взгляд.

Этот взгляд длился на полсекунды дольше нужного.

И у Кирилла в эту полсекунды что-то очень коротко произошло в глазах.

Не движение. Не моргание. Цвет.

У Кирилла Беляева глаза в норме светло-голубые. Светло-серые. Если ему очень хочется — голубовато-зелёные, я этот его оттенок в ноябре в коридоре «Лесной» уже видела.

В эту секунду у Кирилла Беляева глаза на полтона потемнели.

На полсекунды.

Никто в этой переговорной кроме меня этого изменения не заметил.

Я заметила и поблагодарила Tom Ford на моём теле отдельно.

* * *

Артём встал.

— Ева.

— Артём.

Артём подошёл, пожал мне руку, и сделал жест в сторону кресла напротив монитора.

— Прошу. Кофе?

— Чёрный, без сахара, спасибо.

Юлия в эту секунду уже исчезла за дверью с командой «чёрный, без сахара».

Артём сел во главе стола.

Кирилл подошёл ко мне, протянул руку, и очень профессионально (читай, со всем равнодушием, на которое способен мужчина, у которого внутри что-то очень сильно происходит) сказал:

— Ева Геннадьевна.

— Кирилл Викторович.

Мы пожали руки.

Ровно три секунды.

Я в эти три секунды профессионально не покрылась мурашками. Я этот импульс остановила одной мышцей, которой я в своей жизни специально для таких ситуаций пользовалась с двадцати трёх лет.

Это были самые сложные три секунды этой недели.

Кирилл отпустил мою руку и сел напротив.

На мониторе у дальней стены появилось окно видеосвязи. В окне — Игорь Корсаков, в чёрной куртке, с задним планом стерильного гостиничного номера, и с выражением лица, которое за шесть тысяч километров от Москвы было абсолютно тем же.

— Игорь.

— Ева.

Игорь за всю встречу произнёс ровно это одно слово. Это, в моих с ним отношениях, было официальным приветствием. У нас с Игорем за год знакомства был один профессиональный обмен любезностями, и я этим обменом дорожила.

* * *

Юлия принесла кофе.

Артём открыл встречу и очень коротко представил концепт нового финтех-продукта холдинга. Артём передал слово Кириллу.

Кирилл встал. Подошёл к монитору. Открыл презентацию.

Я смотрела на него и осознавала, что произошло одно событие, которого я в моих ожиданиях на эту пятницу не предусмотрела.

Кирилл Беляев в работе — это был не тот Кирилл, которого я знала.

Я уточняю (самой себе больше). Этот Кирилл говорил быстро, точно и без лишних слов. Этот Кирилл оперировал

цифрами как родными. Этот Кирилл, через семь минут после начала презентации, мне пояснил, что у их нового продукта есть конкретное место в рынке, конкретное конкурентное преимущество, и одна конкретная уязвимость, в которой им нужна моя помощь.

Этот Кирилл — эксперт.

Этот Кирилл — не тот блондин, который год назад в баре подкатывал ко мне с шаблонной улыбкой.

Этот Кирилл вырос для меня за год.

Я в этот момент отдельно отметила, что у меня в оценке этого мужчины появился новый параметр. Я этим параметром нехотя пользовалась, потому что у меня было правило: если ты с человеком профессионально воюешь — ты его профессионально не уважаешь.

Я уважала. И этим фактом была не очень довольна.

Когда Кирилл закончил презентацию, я профессионально кивнула. Профессионально записала в свой планшет три пункта. Профессионально подняла руку для вопроса.

* * *

Кирилл повернулся ко мне.

— Ева Геннадьевна. Слушаю.

— Кирилл Викторович. У меня к вашей презентации три вопроса.

— Слушаю.

— Первый. Вы заявляете объём целевой аудитории в восемь миллионов пользователей. По моим данным, у ваше-

го ближайшего конкурента эта же аудитория сегодня составляет шесть с половиной миллионов после трёх лет работы на этом рынке. Каким образом вы планируете в первые шесть месяцев захватить большую долю, чем ваш конкурент за тридцать шесть?

Артём в эту секунду в моём периферическом зрении едва заметно улыбнулся. Он, я подозревала, профессионально болел за хорошую переговорную, и Артёму первый мой вопрос профессионально понравился.

Кирилл не моргнул.

— Ева Геннадьевна. Хороший вопрос. У нас есть три ответа. Первый — наш продукт ориентирован на сегмент, который наш конкурент в первые два года игнорировал. Второй — у нас в команде есть один человек, который у этого конкурента три года работал на ключевой позиции и который к нам перешёл с поправкой на свой опыт. Третий — мы готовы первые шесть месяцев работать в убыток на агрессивную дистрибуцию, потому что нам важнее доля рынка, чем краткосрочная прибыль. Я могу детально расписать каждый из трёх. Если хотите.

— Кирилл Викторович, не сейчас. Я ваш второй ответ запомнила, я его прошу детально расписать в письменной форме после встречи. Второй вопрос.

— Слушаю.

— У вашего продукта в концепции есть одна линия позиционирования, которая сейчас читается противоречивой.

Вы заявляете, что ваш продукт ориентирован на молодую профессиональную аудиторию, и одновременно вы настаиваете на консервативной коммуникации. Это две взаимоисключающие позиции. Молодой профессионал в эту секунду в Москве ожидает от финтеха агрессивной, дерзкой, ироничной коммуникации. Если вы пойдёте в консервативном тоне, у вас половина целевой аудитории через две недели уйдёт к конкуренту, который к ним говорит на их языке. Вы это видите?

Кирилл смотрел на меня.

Артём в эту секунду в моём периферическом зрении за минуту улыбнулся уже второй раз. У Артёма Северова за всю встречу было две улыбки. Они обе пришлись на меня, и я была этим довольна.

Кирилл поставил кофе на стол. Очень тихо сказал:

— Ева Геннадьевна. Я вижу. Я с этой проблемой к вам и пришёл. У меня внутри агентства есть три креативщика, у которых хорошие головы, но у которых нет вашего внешнего взгляда. У вашего внешнего взгляда есть одно качество, которого у моих троих ребят нет — у вас есть профессиональная дерзость, которая в нашем секторе сейчас стоит больше любого консервативного решения. Я к вам приехал именно за этой дерзостью. Я её, для протокола, по достоинству оценю.

Я не моргнула.

Я сейчас одновременно регистрировала три вещи.

Первое — Кирилл Беляев только что в открытом профессиональном диалоге назвал мою профессиональную дерзость качеством, которое он по достоинству ценит. Это, можно сказать, было его публичным комплиментом.

Второе — у меня от этого комплимента в груди что-то очень странно тянуло, и я с этим ничего поделать не могла.

Третье — у Артёма Северова на лице было выражение мужика, который наблюдает, как его друг профессионально играет с огнём, и который не собирается этого друга предупреждать.

— Кирилл Викторович, ваш ответ я приняла. Третий вопрос.

— Слушаю.

— Бюджет. У вас в пакете указана общая цифра. Я её увидела. У меня к этой цифре одно уточнение. Эта цифра — стартовая, и она у вас не работает. Я работаю по другой цифре. Эту другую цифру я готова обсуждать после моей встречной презентации через неделю. Сегодня я её называть не буду, потому что я профессионально не торгую до своей работы. Я об этом сообщаю заранее, чтобы вы потом не были разочарованы.

Артём смотрел в свой ноутбук, коротко и, я подозревала, в эту секунду мысленно посмеивался.

Кирилл смотрел на меня.

У него в глазах в эту секунду снова потемнело на полтона. Я этот оттенок засекала.

— Ева Геннадьевна. Цифру вашу я готов обсудить через неделю.

— Кирилл Викторович, спасибо.

— Не за что. У меня к вам ответный вопрос.

— Слушаю.

— Какое у вас оптимальное окно для презентации вашей концепции? Через неделю — это устраивает в принципе, но я могу подвинуть свой график, если вам нужно больше времени или, наоборот, меньше.

— Кирилл Викторович, мне нужна неделя.

— Договорились.

Артём закрыл ноутбук.

— Тогда, господа и Ева, у нас встреча через неделю в это же время в этой же переговорной. Юлия согласует время в окне ваших календарей. Игорь?

— Согласен.

Игорь у меня этим вторым словом за всю встречу выработал свою профессиональную норму.

Все встали.

* * *

Артём остался в переговорной обсуждать с Юлией следующий пункт повестки, а Кирилл шёл со мной к лифту.

Мы вышли из переговорной, прошли по коридору до лифтовой зоны.

Я нажала кнопку «вниз».

Лифт стоял на нашем сорок втором. Двери открылись че-

рез одну секунду.

Я зашла.

Кирилл зашёл следом.

Двери закрылись.

Я нажала «минус первый».

Лифт пошёл вниз.

Я смотрела на цифры этажей.

Кирилл смотрел на цифры этажей.

Мы оба смотрели на цифры этажей с тем профессиональным вниманием, которым в нашей стране обычно изучают приходящие СМС-сообщения от незнакомых отправителей.

В лифте никто из нас не сказал ни одного слова.

Лифт прошёл сорок один этаж за пятьдесят шесть секунд. Я этот тайминг отдельно засекала, потому что у меня в эти пятьдесят шесть секунд внутри произошло примерно следующее.

Разряд тока по позвоночнику.

Один очень короткий, очень неуместный, очень нетактичный мысленный комментарий: «Беляев пахнет тем же одеколоном, который у меня в шкафу год назад остался на одном моем тёмно-синем шарфе, который я этим январём наконец выкинула, потому что у меня это была плохая ассоциация».

Я этот комментарий профессионально подавила.

Лифт остановился на минус первом. Двери открылись.

Я вышла первой. Кирилл вышел следом.

Мы остановились примерно через два метра от лифта.

Кирилл очень спокойно сказал:

— Ева.

— Беляев.

— У тебя дерзость профессионально выросла.

— У тебя профессионально вырос Артём.

Кирилл очень коротко рассмеялся.

— Корецкая. Я тебя в следующую пятницу очень жду.

— Беляев. Я тоже.

Мы посмотрели друг на друга.

Очень коротко. Очень профессионально.

И разошлись.

Я пошла к моему макану.

Кирилл пошёл к красному 911-му, который у него стоял через четыре бокса от моего.

Я села в машину.

Я закрыла дверь и позволила себе закрыть глаза.

У меня в груди продолжало работать одно ровное, очень тёплое, очень глубокое сжатие.

Я этому сжатию не сопротивлялась.

Я открыла глаза.

Я посмотрела через стекло на него, трогающегося с места.

Я в эту секунду очень спокойно (читай, по-опасному ясно) подумала об одной вещи:

Беляев. У тебя есть одна неделя до моей контр-презентации.

У меня впереди — твоя личная катастрофа.

Готовься.

Я тронулась с места.

Я выехала из подземной парковки на Пресненскую набережную.

В моей машине автоматически включился рэп. Не громко. Так, как Полина у меня в моей жизни настроила пять лет назад, на четвёрке из десяти, когда я ехала в обычном городском режиме.

Я подумала о том, как сегодня вечером я с Алиной начну работу над контр-презентацией.

Я подумала о том, что у меня впереди семь дней.

Я подумала, что у меня в эти семь дней не должно быть ни одной мысли о Кирилле Беляеве вне рабочих часов.

В семь часов вечера этой же пятницы я в своей собственной кровати обнаружила, что у меня все три профессиональные мысли работают одинаково плохо.

Поздравляю меня. У меня появилось ещё одно *расстройство*.

Глава 5: Алина, Полина, и один незванный звонок

В субботу в восемь утра я вошла в свой офис в кедах.

В кедах. В обычных белых кедах, которые у меня в моей жизни есть для двух конкретных случаев — для пробежки в Хамовниках по утрам в выходные и для одного загородного дома в Подмоскowie, который у меня в моей жизни тоже есть.

Сегодня — кеды плюс рабочая суббота. Это для меня было новое сочетание.

В верхней части — серое худи с маленьким логотипом моего собственного агентства, который я три года назад заказала вышить на двадцати штуках одежды для нашей команды. Это худи было ровно две зимы подряд формой выходного дня. Я в нём проводила субботы у себя дома, в нём же варила вечерний кофе, в нём же отвечала на письма клиентов, у которых были проблемы, которые они не могли отложить до понедельника.

В эту субботу у меня в офисе был один клиент, проблеме которого нельзя было отложить до понедельника, и этот клиент назывался «Северный».

Очки без оправы, которые у меня дома вместо контактных линз. Низкий хвост (читай, тот же хвост, что у меня был в пятницу, только сегодня без иллюзии для мужчин в радиусе

двух метров).

В целом — Ева Корецкая в её домашнем формате.

В моих внешних масштабах это была не я.

В моих внутренних масштабах это была я гораздо *больше*, чем я в моих Tom Ford в пятницу.

Это было одно странное профессиональное наблюдение, о котором я никогда никому не сообщу.

* * *

Алина была уже в офисе.

В переговорной горел свет. Я подошла к двери. Заглянула.

Алина в эту субботу в восемь утра сидела за длинным столом моей переговорной в джинсах, в чёрной майке, с распущенными волосами, без макияжа, и работала.

Я это её состояние засекала впервые за полгода нашей совместной работы.

Я в эту секунду честно (читай, нехотя) признала одну вещь.

Алина без её красных платьев, без её охоты, без её десяти сантиметров — Алина была красивая. Не той красотой, которая работает на охоту. Другой. Простой. У неё в этот момент в свете утра было лицо человека, у которого внутри живёт реальный профессиональный интерес.

Я этим открытием была временно недовольна.

— Алина.

— Ева Геннадьевна.

— Ты во сколько приехала.

— В половину седьмого.

— Почему.

— Я не могла спать. У меня в голове третий слайд не складывался.

Я зашла в переговорную.

На моём планшете у Алины был открыт макет нашей контр-презентации для «Северного». Я подошла. Посмотрела на третий слайд.

Слайд назывался «Молодая профессиональная аудитория, которая нас слышит». На нём была фотография, которую я сама вчера вечером отобрала, и два графика. Слайд в моих профессиональных масштабах работал. У меня к нему вопросов не было.

— Алина. У меня к этому слайду вопросов нет.

— Ева Геннадьевна. Вопрос у меня.

— Слушаю.

— Слайд работает. Но он работает в режиме «правильный ответ на правильный вопрос». По-моему, нам нужно дать неправильный ответ на правильный вопрос. У нас аудитория тендера — три мужика. Я к ним хочу зайти иначе.

Я посмотрела на Алину и честно признала вторую вещь, которой я в это утро снова была не очень довольна.

Алина в эту субботу в восемь утра в моей переговорной произнесла фразу, которую я профессионально не могла повторить лучше.

— Алина.

— Да?

— Покажи мне твою идею.

Алина подняла на меня глаза.

В её глазах в эту секунду было одно очень короткое, очень незаметное, очень профессиональное удивление. Алина ни разу не слышала от меня фразу «покажи мне твою идею» в таком тоне, в котором я её сейчас произнесла. У меня обычно с Алиной был тон работодатель — подчинённая. Сегодня у меня впервые в нашей с ней истории прозвучало что-то вроде равенства.

Алина этим тоном воспользовалась и повернула ноутбук ко мне.

Она мне следующие двадцать минут показывала альтернативную концепцию третьего слайда, в которой у нас не было фотографии и двух графиков. У нас была одна большая надпись на чёрном фоне, и одно слово.

Слово было — «Молчите».

Я в эту секунду подумала, что у моей сотрудницы Алины Лебедевой есть один маленький недостаток — она беспринципная — и один большой профессиональный талант — она в моей сфере умнее, чем девяносто процентов моих собственных конкурентов.

Я ей прямо посмотрела в глаза. Я ей сказала:

— Алина. Это то, что нужно.

— Ева Геннадьевна. Я знаю.

— У тебя в зарплате в эту неделю появилась бонусная

часть.

— Спасибо, Ева Геннадьевна.

— Не за что.

Алина повернула ноутбук обратно.

Пока у меня в голове работала одна единственная некомфортная мысль: моя сотрудница Алина в эту субботу в восемь утра только что мне в моём собственном агентстве показала, что в одной конкретной задаче она лучше меня.

Это была профессиональная информация, с которой я профессионально работала. Это не было личной информацией. Я мысленно подчеркнула этот момент отдельно, потому что у меня в эту неделю начинала появляться плохая привычка путать профессиональное с личным.

* * *

В половину первого приехала Полина.

С двумя бумажными пакетами из «Бутербродной» через дорогу, в которых были три коробки гречотто, три порции салата с тунцом, и одна коробочка чизкейка, поделённая на три равные части.

Для протокола: Полина чизкейк делит на три равные части, потому что у моей лучшей подруги в её жизни появился один новый принцип «не есть больше, чем тебе нужно по физиологии», и Полина в этом принципе была фанатичная. Я этот её принцип уважала и одновременно ненавидела.

Полина посмотрела на меня в худе, посмотрела на Алину в чёрной майке, и сказала:

— Я не помешаю?

— Полина. Ты привезла гречотто. Ты у меня по статусу не помешаешь, даже если ты сейчас будешь распивать виски и петь песни.

— Ева. Я виски не пью с двадцати трёх лет. У меня от него лицо опухает.

— Я знаю. Я тебе на этот случай напоминаю, что ты бы могла. Это твоя свобода. Я её уважаю.

Полина рассмеялась.

Алина посмотрела на Полину. Они пересекались пять или шесть раз.

Алина с Полиной была всегда очень корректна. Полина с Алиной была всегда очень нейтральна.

В эту субботу у них появилось что-то новое.

Полина подошла к Алине и протянула ей коробку с гречотто.

— Алина. Привет.

— Полина Викторовна. Доброе утро.

— Алина, без отчества. Я не настолько старше тебя, чтобы у нас с тобой шёл протокол.

— Хорошо, Полина.

Полина села напротив Алины и открыла свою коробку с гречотто.

Полина начала есть и параллельно, с её фирменной техникой социального наблюдения изучала Алину.

Я отметила одну вещь.

Полина Светлова в эту субботу в моём офисе впервые в моей памяти профессионально оценивала Алину.

Я об этом узнала по одной маленькой детали — Полина в её обычной манере общения с моими сотрудниками за полгода Алину спросила о её жизни ровно ноль раз. Полина обычно у моих сотрудников спрашивает о жизни в первые две минуты — это её способ показать, что она не угроза, и что она здесь только из-за меня.

В эту субботу у Полины с Алиной этот шаг отсутствовал.

Я это поняла так: Полина за полгода в моей жизни Алину не приняла — не по женской линии, а как профессионала. До этого утра Алина была для неё просто моей сотрудницей. Сегодня — впервые равной

* * *

Через час Алина встала.

— Ева Геннадьевна. Я пойду на двадцать минут. Воздух подышу. У меня голова к тридцатому слайду уже не варит.

— Иди, Алина.

Алина вышла.

Полина в эту секунду закрыла свою пустую коробку изпод гречотто и посмотрела на меня.

Полина очень спокойно (читай, с той интонацией, которой моя лучшая подруга в моей жизни начинает разговоры, которых я не хочу слышать) сказала:

— Ева.

— Полина.

— У меня к тебе один вопрос.

— Полина, не надо.

— Ева, я задаю.

— Полина.

— Ты её до сих пор ревнуешь к Беляеву?

Я со всем равнодушием, на которое способен человек, у которого внутри что-то очень коротко сжалось, отпила свой остывший чай.

— Полина. Я её профессионально использую.

— Ева, я не дура.

— Полина.

— Ева. Я тебя пятнадцать лет знаю. Я с тобой через три университета и два твоих расставания прошла. Я с тобой через твою первую работу в Москве прошла. Я с тобой через одну ноябрьскую ночь, в которой ты мне про детали не рассказала, но я их и так знаю — я через эту ночь прошла. Я тебе сейчас задаю вопрос, потому что я в эту субботу у тебя в офисе вижу ровно следующую картину.

— Какую.

— Ты сидишь в кедах. В худи. Без макияжа. В очках. Напротив тебя сидит твоя сотрудница, которая в эту минуту выглядит лучше, чем ты в твой обычный понедельник. Ты её профессионально терпишь, потому что она у тебя работает лучше, чем твои стандарты. И при этом — Ева — у тебя в эту субботу на столе лежит концепция, в которой ты на этой неделе пиаришь в финтех-сегменте продукт, который запус-

кает один конкретный мужчина, с которым ты в ноябре прошлого года легла в кровать. У тебя в эту субботу четыре пересечения линий, у каждой из которых есть Кирилл Беляев в центре. Я тебе задаю вопрос: ты Алину ревнуешь, или ты её используешь?

Я молчала.

Я сделала одну вещь, которую я в моей жизни делать терпеть не могу. Я призналась самой себе в своём кабинете.

— Я не знаю.

— Милая. Это уже честный ответ.

— Мне это не помогает.

— Я тебе не помогаю. Я тебе показываю. Дальше — ты сама.

— Спасибо, Светлова.

— Не за что, Корецкая.

Полина встала, подошла ко мне, очень коротко чмокнула меня в макушку (это в нашей с ней системе общения было максимальное проявление поддержки в рабочих ситуациях), взяла свою сумку, и сказала:

— Я пошла домой. Артёму вечером передашь через Кирилла привет.

— Полина, я никому в эту субботу не передаю привет.

— Ева, я знаю.

Полина вышла.

* * *

В четыре часа дня у меня в офисе зазвонил телефон.

Я этим звонком не была обрадована. Мы с Алиной как раз закончили доводить слайд (Алинин «Молчите» теперь стоял в презентации как ключевой), сидели за моим компьютером и оценивали то, что называлось «черновик контр-удара».

Я подняла трубку, не глядя на экран.

— Корецкая.

— Беляев.

Я не повернула голову к Алине.

Я этот импульс остановила той же мышцей, которой я в пятницу в Сити подавляла мурашки.

Я очень профессионально (читай, с холодной любезностью, на которую женщина способна, когда у неё в голове внутри что-то очень странно тёплое) ответила:

— Кирилл Викторович. Суббота, четыре дня. У тебя профессиональный вопрос?

— Только что Юлия Калинина мне переслала твой запрос на дополнительные материалы по сегменту. Я тебе сейчас лично хочу пояснить один момент, который у Юлии не получится передать.

— Слушаю.

— По нашему сегменту у нас есть один внутренний документ, который мы внешним подрядчикам в норме не передаём, потому что в нём конкретно прописаны наши прогнозы по реакциям рынка на следующие два года. Этот документ я тебе передать готов, но с одним условием.

— Каким?

— Ты его читаешь в моём офисе. Ты его не выносишь. Ты его не фотографируешь. У тебя будет два часа на изучение, и ноутбук, на котором ты можешь делать пометки. После двух часов ты пометки оставляешь у меня, и мы их с тобой совместно обсуждаем.

— Это разумно.

— У меня есть для тебя завтра окно в пятнадцать ноль ноль. Воскресенье. В моём офисе. Юлия будет.

Я молчала.

Я в эту секунду решала три задачи параллельно.

Первая — это профессиональное предложение, и оно для моей контр-презентации очень полезно. Я этот документ хочу прочитывать.

Вторая — это воскресенье, и я в воскресенье в Сити в офисе у Кирилла Беляева, у которого, по моим данным, в воскресенье в офисе из персонала находится один Юлия Калинина и один он сам. Это пространство, в котором мне приходится с моей собственной нервной системой не очень хочется.

Третья — Беляев это предлагает не случайно. У него на воскресенье в пятнадцать ноль ноль есть свой расчёт.

У меня работала одна простая аналитика. Если я приду — я выигрываю профессионально и проигрываю лично (он меня видит вне рабочей формы, в моих кедах, и у него в его расчёте появится дополнительный наблюдательный материал). Если я не приду — я выигрываю лично и проигрываю

ваю профессионально (документ я не прочитаю, и у меня в моей контр-презентации будет дырка).

Я поняла одну вещь.

В моей паре вариантов «выигрываю/проигрываю» — Беляев меня уже поставил в такое положение, в котором я в обоих сценариях проигрываю в одной из двух плоскостей.

Это называлось «вилка». Это было профессиональное достижение Кирилла Беляева в эту субботу в шестнадцать ноль две.

Я этим достижением была одновременно раздражена и впечатлена.

— Беляев.

— Слушаю.

— Я подумаю до восемнадцати ноль ноль.

— Хорошо. Я тебя в восемнадцать ноль одну буду ждать письмом.

— Ты сегодня в офисе?

— В офисе.

— Один?

— Один.

— Хорошо.

— Корецкая. До письма.

— До письма, Беляев.

Я положила трубку.

Я подняла глаза.

Алина сидела на стуле в углу, с ноутбуком на коленях, и

очень профессионально не смотрела на меня.

Алина сделала одну небольшую вещь.

Она чуть-чуть улыбнулась. Углом рта.

В моих внешних масштабах эта её улыбка была профессиональной нейтральностью.

В моих внутренних — она была *всем*, чем она была.

* * *

В шесть вечера я закрыла офис.

Я отпустила Алину в пять с прибавкой к её бонусу, закрыла презентацию, выключила компьютер, надела моё пальто на моё худи и вышла.

Я села в машину и ничего не делала.

Я просто сидела и смотрела в темноту в окно перед моим капотом.

У меня работала одна простая аналитика. Если я не отвечу до восемнадцати ноль ноль — Беляев это засчитает как моё «нет». Если я отвечу — он засчитает это как моё «да». На циферблате на запястье было семнадцать пятьдесят восемь.

У меня в эту секунду в кедах, в худи, в моём собственном дорогом Porsche, у моего собственного дорогого офиса в центре Москвы, в моей собственной дорогой жизни, было ровно две минуты на решение.

Я взяла телефон и открыла переписку с Беляевым.

В восемнадцать ноль ноль я написала ему ровно одно слово.

Принимаю.

Беляев в восемнадцать ноль одну ответил ровно одно слово.

Жду.

Я положила телефон.

Поздравляю меня. У меня уже не одно новое расстройство. У меня их в эту неделю два, и они работают параллельно.

Я завела мотор и поехала домой.

Глава 6 : Воскресенье.

Один документ.

В воскресенье в час дня я стояла в моём гардеробном помещении и решала одну сложную задачу.

Что мне сегодня надеть.

На первый взгляд (читай, для непрофессионала) — это была не задача. Я еду в воскресенье в офис, читать документ, общаться с одной секретаршей и одним мужчиной. Дресс-код указывал на нейтральность.

На второй взгляд — это была одна из самых сложных задач этой недели.

Если я сегодня надену Tom Ford — Беляев это прочитает как «я опять давлю». В пятницу Tom Ford работал. В воскресенье в офисе с одним секретарём он будет работать против меня — у меня не останется, чем давить в следующую пятницу. Я свой главный козырь сегодня сожгу зря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.